

Современная болгарская поэзия ¹⁾.

Недавно вышел сборник современных болгарских поэтов: „Болгарская антология. Нашата поэзия отъ Вазова насамъ“. Сборникъ составленъ двумя писателями модернистскаго направленія, Подверзачевымъ и Дебеляновымъ. Болгарская критика отмѣтила нѣкоторые недостатки этой антологіи, ея неполноту, неудачность подбора стихотвореній, которыми представленъ тотъ или другой авторъ. Тѣмъ не менѣе сборникъ остается весьма любопытнымъ изображеніемъ современной болгарской поэзіи, чрезвычайно цѣннымъ образомъ вообще теперешней болгарской интеллигенціи и, болѣе того, всей болгарской жизни. Я думаю, что эта жизнь заслуживаетъ внимательнаго изученія съ нашей, русской стороны, и потому я рѣшаюсь обратить вниманіе нашей интеллигенціи на это характерное явленіе въ жизни народа, который проявилъ въ эпоху войны съ турками такъ много воодушевленія національной идеей. Несомнѣнно, въ болгарской народной жизни еще много свѣжести и силы, много юношеской вѣры въ себя и въ свое будущее, и тѣмъ характернѣе для нея стремленіе облекаться въ одежды уточеннаго модернизма, культурнаго пресыщенія, глубоко пережитого пессимизма. Вѣдь и это—выраженіе того же желанія усвоить себѣ поскорѣе всю западно-европейскую культуру со всѣмъ ея налетомъ, которое руководить всѣми дѣйствіями молодого царства ²⁾.

Прежде чѣмъ перейти къ характеристикѣ современной болгарской поэзіи какъ по указанной антологіи, такъ и по другимъ источникамъ, необходимо предпослать нѣсколько замѣчаній объ общемъ ходѣ развитія

¹⁾ Статья эта была написана еще до начала печальной славянской войны на Балканскомъ полуостровѣ. Событія подтвердили нѣсколько отрицательный тонъ моей характеристики модернизма.

²⁾ Недавно появилась книга нѣмецкаго автора, долго жившаго въ Софіи и рисующаго съ искренней симпатіей современную болгарскую жизнь. Заносный характеръ болгарской культуры отмѣченъ имъ очень живо. W. K. Weiss-Bartenstein. Bulgarien. Land, Leute und Wirtschaft sur Zeit des Balkankrieges. 1913.

болгарской поэзии въ XIX вѣкѣ. Она создавалась поздно, только въ половинѣ столѣтія, когда болгарское національное освобожденіе отъ греческаго духовнаго порабожденія стало совершившимся фактомъ, и дѣятельность Палаузовыхъ, Априлова, Габровскаго училища принесла свои благотворные плоды: болгары перестали стыдиться своей народности, обратились къ національному языку, и уже началась та долгая и упорная борьба за отдѣленіе болгарской церкви отъ Константинополя, которая закончилась учрежденіемъ болгарскаго экзархата въ 1870 году и подготовила дѣятельную борьбу за народное освобожденіе отъ Турціи. Этотъ первый періодъ болгарской поэзии можно отграничить освободительной войной 1877—78 гг. Въ эту пору выступаютъ со своими стихами такія оригинальныя и своеобразно-могучія личности, какъ Георгій Стойковъ-Раковскій, Петко Славейковъ и благородный идеалистъ Христо Ботевъ. Раковскій, родившійся въ 1821 году, принадлежитъ еще къ старшему поколѣнію. Его интереснѣйшая біографія, недавно описанная по новымъ документамъ Боби Петровымъ (1910), не лишена авантюризма и темныхъ пятенъ, но въ той обстановкѣ, въ которой приходилось вести свою національную борьбу совсѣмъ малокультурному Раковскому, едва ли могло быть иначе. Разумѣется, поэзія Раковскаго представляла лишь одно изъ средствъ вызвать въ народныхъ массахъ самоуваженіе и надежду на будущее. Раковскій писалъ учебники, издавалъ журналъ, работалъ надъ болгарскимъ словаремъ и въ то же время сочинялъ, именно сочинялъ, стихи, записывалъ народныя пѣсни, въ которыхъ видѣлъ „зборникъ българскія древности“ и т. д. Его поэма „Горскій путникъ“, вышедшая въ 1857 году, рассказываетъ о четнической борьбѣ болгаръ съ турками, въ которой участвовалъ и самъ авторъ ея. Желая подчеркнуть назначеніе своей поэмы, Раковскій издалъ заранѣе двѣ статьи въ видѣ „Предвѣстника горскаго путника“: одна изъ нихъ излагала событія въ Болгаріи во время Крымской войны, другая представляла переводъ нѣмецкой сатиры на турокъ. Это была поэзія борьбы, весьма мало заботившаяся о художественности и стремившаяся только къ пробужденію отваги и надежды въ народѣ. Такой же характеръ имѣютъ поэтическія произведенія Любена Каравелова, который видѣлъ въ нихъ также лишь орудіе борьбы: это публицистика, облеченная въ весьма неуклюжія стихотворныя формы. Гораздо выше, какъ поэты, Петко Славейковъ и Ботевъ. Первый изъ нихъ прожилъ долгую рабочую жизнь (1827—1895) и испыталъ не мало передрагъ: лучшіе его годы—борьба за освобожденіе болгарскаго народа отъ греческаго гнета, затѣмъ, послѣ освобожденія Болгаріи, Славейковъ былъ и предсѣдателемъ народнаго собранія и нѣсколько разъ министромъ. Но онъ былъ поэтомъ только въ эпоху борьбы за свободу, и самая пламенная часть его души—тамъ. „Сынъ несчастной страны, нищій, рожденный въ самыя тяжкія времена,

я былъ всѣми презираемъ и одиноко жилъ въ мірѣ“—такъ вспоминаетъ Славейковъ годы своей юности въ Константинополѣ ¹⁾. Статьи Славейкова это—непрерывное побужденіе къ дѣятельности. „Встань! Я пришелъ къ тебѣ пѣть, разбудить тебя отъ сна“ или „Разгорается золотая заря, прогоняетъ ночь, чтобы больше было свѣта, чтобы ты пробудился“—такъ непрерывно твердить Славейковъ въ своихъ стихахъ, написанныхъ въ 50-хъ годахъ. Лишь иногда его охватываетъ уныніе, и изъ сердца его вырываются плачи, достойные большихъ поэтовъ. Очень сильное впечатлѣніе производитъ элегія „Къ сиромаситъ братья“ (Къ бѣднымъ братьямъ), написанная въ 1873 году, въ эпоху революціонныхъ болгарскихъ комитетовъ и неудачъ. „Бѣдные страдальцы! Малые мои братья! Есть у меня для васъ широкая объятія, горячее сердце, страдающая душа; но они не помогутъ вамъ“. *Какъ да имъ помога, що мога да сторя?*—тоскливо спрашиваетъ поэтъ (Какъ я имъ помогу, что я могу сдѣлать?) Мотивы упорной и страстной борьбы звучатъ въ немногочисленныхъ стихотвореніяхъ Ботева, рано и героически погибшаго во время попытки болгарскаго возстанія въ 1876 году. Это имя современная Болгарія чтитъ на-ряду со своими величайшими именами борцовъ за свободу. Дѣйствительно, только эта идея жила въ душѣ Ботева, и вся его дѣятельность, литературная и политическая, была посвящена ей. „Не плачь, мать, не тужи, что сталъ я гайдукомъ, гайдукомъ, мать, бунтовщикомъ, что я оставилъ тебя несчастною плакать о своемъ первенцѣ-сынѣ. Прокляни, мать, проклинай эту черную напасть, которая гонитъ насъ, молодыхъ, на тяжкую чужбину: да ходимъ, да скитаемся, немилые, проклинаемые, ненужные. Я знаю, мать, что ты любишь меня, что завтра, можетъ быть, завтра я погибну, когда буду переправляться черезъ тихій бѣлый Дунай. Но скажи, что же мнѣ дѣлать, если ты родила меня, мать, съ сердцемъ мужскимъ, юнацкимъ. Не выдерживаетъ это сердце, когда видитъ, какъ бѣнуется турокъ надъ отцовскимъ огномъ, тамъ, гдѣ я росъ, гдѣ впервые сосалъ молоко“... Это длинное стихотвореніе было завѣщаніемъ Ботева: вскорѣ, дѣйствительно, онъ погибъ, когда переправлялся черезъ тихій бѣлый Дунай. Такова поэзія этого перваго періода болгарской литературы. Призывы къ борьбѣ, горячая вѣра въ Россію, тоска въ неволѣ—ея мотивы. Для русскаго читателя, который привыкъ связывать съ образомъ императора Николая I инныя чувства, инныя воспоминанія, странно звучать стихи Вазова, поэтъ уже втораго періода, но своими корнями еще восходящаго къ эпохѣ „темнаго рабства“. Вотъ Вазовъ вспоминаетъ свои дѣтскіе годы: „Я былъ малъ, но еще помню. Въ нашей бѣдной, скромной комнатѣ

¹⁾ Прекрасно написанная біографія Славейкова и собраніе его стихотвореній изданы его сыномъ, недавно умершимъ, поэтомъ Пенчо Славейковымъ, въ 1901 году.

вистѣлъ подѣ самой божьей иконой выцвѣтшій портретъ. Надѣ нимѣ была изображена корона, подѣ нимѣ двуглавый орелъ. И часто матѣ поднимала меня, чтобы я видѣлъ поближе этотѣ святой и старый ликѣ, и нѣжно говорила мнѣ: дитя, поцѣлуй этого прекраснаго дѣда, поцѣлуй болгарскаго царя. И съ этого времени я полюбилѣ его. Когда же я подросѣ, то я узналѣ отѣ отца, что русскій царѣ заботится о насѣ, что турки его ненавидятѣ, и что онѣ спасетѣ насѣ отѣ нихѣ. Когда тиранѣ насѣ мучилѣ, онѣ гнѣвно кричалѣ на насѣ: „Московцы!“ И я понялѣ, что отецѣ былѣ правѣ, и повѣрилѣ, что царѣ насѣ защититѣ!“ ¹⁾ Много воодушевленія, горячаго сочувствія къ слабымѣ, пламеннаго самоотверженія внесла въ болгарскую духовную жизнь поэзія этого періода, и эти высшія стремленія человѣческаго сердца придають поэзіи этихѣ скромныхѣ, неизвѣстныхѣ міру пѣвцовѣ скорби и борьбы міровое значеніе. Но вотѣ исполнилась мечта болгарскаго народа. „Шипка свободна, Шипка свободна, повторяѣ Петко Славейковѣ, и въ неудержимомѣ порывѣ поднималѣ руки къ небесамѣ и подавленнымѣ голосомѣ произнесѣ: Нынѣ отпускаеши раба твоего, Владыко, съ миромѣ, яко видѣста очи мои спасеніе твое“ (Сочиненія, 55). Вазовѣ привѣтствовалѣ наступленіе новой эры въ восторженномѣ гимнѣ, посвященномѣ Россіи и подписанномѣ 22 ноября 1876 года. Первые строки этого гимна я привелѣ выше. Его окончаніе достойно поэтическаго перевода, но я приведу его въ прозѣ: „О, здравствуй ты, могучая Россія. Весь мірѣ дрожитѣ отѣ твоего голоса. Поднимись же, полунощная царица. Мы зовемѣ тебя: иди къ намѣ! Къ тебѣ взываетѣ теперь Болгарія. Насталѣ часѣ твоего завѣта, исполненія твоей великой миссіи въ этомѣ мірѣ. Потому-то ты прославлена и знаменита, и нѣтъ тебѣ другой равной. Потому-то и охватываешь полміра, царства, народы, океаны, и нѣтъ тебѣ предѣла, не обзрѣтъ тебя, не сосчитать! Вотѣ почему Богѣ до сихѣ порѣ хранить тебя отѣ столькихѣ бѣдѣ и враговѣ, и ты могла сокрушить хана Мамаю и Напарту, и врагѣ твой пугается, взглянувѣ на твою карту. Вотѣ почему ты называешься *святой* Русью, и мы тебя любимѣ, какѣ отца, и мы ждемѣ тебя, какѣ Мессію. Вотѣ почему ты *Россія*!“ Такѣ чувствовалѣ и Вазовѣ, и весь народѣ. Россія совершила свою „миссію“. Болгарія была свободна. Наступило время горячечнаго государственнаго строительства, не всегда систематическаго, не всегда чистаго; къ людямѣ безупречнымѣ, живущимѣ идеалами патріотизма, примѣшалось, какѣ это всегда бываетѣ, не мало любителей половить рыбку въ темной водѣ, и началась такая сумятица всяческихѣ вліяній, въ которой для поэзіи ужѣ

¹⁾ Ср. Разказы Вазова. Переводѣ и вступительная статья А. Сиротинина. 1904. Пользуюсь въ дальнѣйшемѣ полнымѣ собраніемѣ сочиненій Вазова, вышедшимѣ въ 1912 году.

совѣмъ не было мѣста. Строители Болгаріи, которымъ недавно одинъ современникъ посвятилъ такую злую и несправедливую книгу, разрывались между стремленіемъ угодить Россіи, въ которой иногда просто капризничали и не знали, чего желать, и между опасеніемъ попасть уже подъ прямую власть Россіи, превратить Болгарію просто въ дунайскую губернію. И вотъ, наконецъ, произошелъ разрывъ сношеній между молодымъ княжествомъ и „освободительницей“ Россіей. Этотъ разрывъ тянулся больше семи лѣтъ, и вредныя послѣдствія его ощущаются донинѣ и въ Болгаріи, и въ Россіи. Русское литературное вліяніе постепенно падало, Болгарія спѣшила взять съ Запада возможно скорѣе и возможно больше, и эти заимствованія имѣли характеръ чрезвычайной неразборчивости и плохо усваивались публикой. Прежде всего развилась до уродливыхъ размѣровъ партійность. Политика захватила все, и болгарская жизнь была залита потокомъ газетокъ, партійныхъ лстковъ. Выработывалось поверхностное отношеніе къ обязанностямъ гражданина, чрезвычайная самоувѣренность. Литература спѣшила зафиксировать минутныя впечатлѣнія. Это—отрицательныя стороны тогдашней болгарской жизни (1879—1894). Однако неурядица происходила отъ избытка силъ въ молодомъ народѣ, вдругъ вырвавшемся на свободу, отъ того, что онъ еще не успѣлъ привыкнуть къ новымъ формамъ быта, выработаться въ культурномъ и политическомъ отношеніяхъ. Такимъ образомъ, переворотъ 1885 года, и стамбуловщина, и режимъ Фердинанда Кобургскаго,—все это были неизбежные этапы въ жизни Болгаріи. Только для созданія новыхъ крупныхъ поэтовъ эта эпоха совѣмъ не годилась.

Продолжаютъ писать тѣ, кто выдвинулся уже въ предшествующій періодъ: Славейковъ, Вазовъ, къ нимъ присоединяются Константинъ Величковъ, Стоянъ Михайловскій, и нѣсколько позже Пенчо Славейковъ, сынъ Петка, Алеко Константиновъ, Антонъ Страшимировъ. Вазовъ не только самый крупный изъ этихъ писателей, но и самый чуткій изъ нихъ. По его стихамъ можно нарисовать цѣлую картину смѣны общественныхъ настроеній въ Болгаріи. Такъ, въ эту послѣднюю войну онъ до такой степени колебался между крайнимъ сербофильствомъ и сербофобствомъ, въ зависимости отъ того, какъ складывались политическія сербско-болгарскія отношенія, что недовольная имъ сербская печать прозвала маститаго Вазова полуофиціознымъ поэтомъ Болгаріи. Въ этомъ прозвищѣ есть несомнѣнное преувеличеніе, но для него имѣлось основаніе въ той отзывчивости, съ которой Вазовъ откликался на событія дня. Когда русскіе пріѣхали на софійскій съѣздъ 1910 года, именно Вазовъ въ согласіи съ обществомъ привѣтствовалъ ихъ въ своихъ стихахъ, и т. под. До извѣстной степени народъ, дѣйствительно, возложилъ на Вазова обязанность быть его поэтическимъ выразителемъ. Поэтому подробное изученіе поэзіи этого настоящаго сына народа представило

бы интересную смѣну тѣхъ настроеній, которыя переживала за послѣднія сорокъ лѣтъ извѣстная часть болгарской интеллигенціи, именно та часть, которая оставалась при всѣхъ испытаніяхъ и при всѣхъ превратностяхъ судьбы вѣрной старому лозунгу болгарскаго освобожденія: крѣпко держаться Россіи и не терять въ нее вѣры. Здѣсь я могу коснуться поэзіи Вазова, разумѣется, лишь въ самыхъ общихъ чертахъ, но я все-таки остановлюсь на различныхъ періодахъ ея. Поэзія 1875—1880 годовъ вращается почти всецѣло около событій освободительной войны, предшествующихъ и послѣдующихъ событій. Такъ, въ „Сентиментальномъ путешествіи по Европѣ“ (1880) Вазовъ въ остроумной формѣ характеризуетъ европейскія страны. Англія не внушаетъ ему симпатіи. Ёдкія слова осужденія вызываетъ воспоминаніе о лордѣ Биконсфилдѣ, который, дѣйствительно, сыгралъ роль злого генія по отношенію къ Болгаріи. „Потомокъ Іуды, братъ Вельзевула, геній на зло, жрецъ лжи, графъ и лордъ англійскій, извергъ и подлецъ (sic). Изъ середины Румелии мы шлемъ ему свои вѣчныя проклятія“. Доходитъ рѣчь и до Россіи. Нѣкоторыя строки сильно напоминаютъ путешествіе Мицкевича въ Петербургъ и написаны, вѣроятно, въ подражаніе имъ, но какая разница въ настроеніи! Громадность имперіи вызываетъ въ Вазовѣ иныя чувства, нежели у польскаго генія. Съ восторгомъ онъ говоритъ о „старомъ кремлѣ, священномъ памятникѣ, о стѣнѣ котораго разбился надменный Бонапартъ. Великій завѣтъ онъ хранитъ подъ своимъ гордымъ сводомъ. Тамъ бьется пульсъ русскаго народа. И когда онъ готовъ, когда все готово, тамъ произносится великое слово“ (манифестъ объ объявленіи войны за освобожденіе Болгаріи, замѣчаетъ Вазовъ). Въ восьмидесятыхъ годахъ поэтъ живетъ больше всего художественными впечатлѣніями, но событія несчастной сербско-болгарской войны 1885 года вызываютъ у него сборникъ стихотвореній, въ которыхъ извѣстное боевое настроеніе, не чуждое шовинизма, смѣняется гуманнымъ чувствомъ состраданія къ жертвамъ братоубійственной войны. „Первый убитый сербъ“ возбуждаетъ чувство глубокой жалости къ „несчастному побратимку“, который по волѣ „проклятаго“ Милана не на добро переступилъ чужую границу. Затѣмъ наступаетъ режимъ Стамбулова, и Вазовъ уѣзжаетъ на чужбину, въ Россію. И прежде во многихъ его стихотвореніяхъ, особенно въ сборникѣ „Гусли“, не разъ звучали ноты осужденія и недовольства современнымъ ему обществомъ, но того постоянно удрученнаго настроенія, какимъ проникнуть сборникъ „На чужбинѣ“ (1888—89), еще не было. Въ Россіи Вазовъ нашелъ мало утѣшительнаго. Онъ съ горечью упоминаетъ, что въ это время (въ 1888 году) „Болгарія дошла до того, что одно упоминаніе имени Александра II считалось преступленіемъ“, и болгарину въ Россіи было тяжело. Эти стихи представляютъ, несомнѣнно, одно изъ высшихъ про-

изведеній болгарской поэзіи. Скорбная тоска по идеалу, чистая гуманность, чувство одиночества „въ изгнаніи“ и т. под. проникають лирическія изліянія Вазова. Кое въ чемъ они роднятъ эти элегіи болгарскаго поэта съ поэтическими переживаніями Мицкевича въ Россіи, и право, была бы интересная задача—сравнить съ этой точки зрѣнія Мицкевича и Вазова. Какъ справедливо отмѣчаетъ г. Сиротининъ, „Вазовъ пріѣхалъ въ Одессу замѣчательнымъ и даровитымъ, но только болгарскимъ писателемъ. Когда въ 90-хъ годахъ онъ возвращался на родину, онъ былъ уже поэтомъ общечеловѣческимъ, исполненнымъ широкихъ и всеобъемлющихъ сочувствій, у котораго можетъ найти откликъ своей душевной скорби и сомнѣніямъ каждый изъ насъ. Онъ пріѣхалъ въ Одессу патріотомъ, выѣхалъ изъ нея мыслителемъ, попрежнему горячо любящимъ свою родину, но уже съ просвѣтленнымъ и умирненнымъ взглядомъ на жизнь“.

Стихотворенія 90-хъ годовъ и послѣдняго десятилѣтія представляютъ результатъ этого тяжелаго душевнаго развитія поэта. Здѣсь есть прелестныя вещи, каковы, напр., „Весенніе сонеты“ (1892), „Во вселенной“ (1892) и мн. др. Духъ этихъ стихотвореній бодрый и радостный. Въра въ прогрессъ, который, точно символъ, заставляетъ извиваться желѣзнодорожный путь по горамъ, восторженная любовь къ воздуху, небу, сердцу Болгаріи, призывы къ труду и къ чести,—все это дѣлаетъ Вазова настоящимъ народнымъ поэтомъ Болгаріи, истиннымъ вождемъ молодой болгарской литературы. Если бы Вазовъ писалъ на одномъ изъ распространенныхъ европейскихъ языковъ, онъ бы имѣлъ широкую извѣстность... Впрочемъ, онъ не былъ бы тогда Вазовымъ. „Я любилъ тебя, когда ты была забыта и влачила позорное иго, и всякій призывъ къ лучшей жизни замиралъ надъ тобой, какъ въ пустынь“,—такъ обращается поэтъ къ своей родинѣ. Онъ любитъ ее и теперь, когда она „забыла свѣтлыя задачи и тяжелые уроки“. Форма стиховъ Вазова стала съ теченіемъ лѣтъ чрезвычайно гармоничной, мысль его поднялась на уровень утонченной европейской мысли. Такимъ образомъ, въ лицѣ Вазова болгарская литература обладаетъ большимъ поэтическимъ талантомъ.

О другихъ писателяхъ этого періода мы придется упомянуть вкратцѣ, чтобы перейти къ характеристикѣ современной болгарской поэзіи. Рядомъ съ Вазовымъ надо поставить прежде всего своеобразную личность Стояна Михайловскаго, человѣка совсѣмъ иного направленія, нежели Вазовъ. Современникъ этого послѣдняго (онъ родился въ 1856 году, а Вазовъ въ 1850), Ст. Михайловскій далеко не русофилъ; это одинъ изъ типичнѣйшихъ западниковъ въ новой болгарской литературѣ, какихъ теперь много; и высшее образованіе Михайловскій получилъ въ Зап. Европѣ. Какъ поэтъ, онъ прежде всего пѣвецъ гражданской скорби,

сильный и смѣлый обличитель общественныхъ пороковъ, поэтъ рефлексіи и пессимизма. Человѣку, чуждому болгарской жизни, его сатиры скучны и непонятны; онѣ нападаютъ на извѣстныхъ политическихъ дѣятелей, журналистовъ, обличаютъ взяточничество болгарскихъ министровъ той или другой эпохи. Занимая почетное мѣсто въ болгарской литературѣ, Михайловскій этими сторонами своей литературной дѣятельности не можетъ претендовать на болѣе широкую извѣстность. Но среди его лирическихъ произведеній, выраженій минутныхъ настроеній или длительныхъ состояній души, есть нѣкоторыя, привлекающія вниманіе искренностью тона, силой настроеній, горечью пессимизма. Вазовъ—руководитель, такъ сказать, патріотическаго русофильскаго, консервативнаго направленія въ литературной жизни Болгаріи, Михайловскій является истиннымъ предшественникомъ болгарскаго модернизма, его духовнымъ отцомъ, и, какъ мнѣ кажется, популярность этого вождя стараго македонскаго движенія, борца за „европеизмъ“ въ Болгаріи превышаетъ въ кругахъ болгарской молодежи популярность Вазова, хотя, какъ поэтъ, этотъ послѣдній неизмѣримо выше.

Покойный Константинъ Величковъ (1856 — 1907) былъ не только однимъ изъ лучшихъ поэтовъ, но и однимъ изъ лучшихъ людей Болгаріи. Пламенный патріотъ, онъ участвовалъ въ молодости въ восстаніи противъ турокъ, за что поплатился тюремнымъ заключеніемъ. Послѣ освобожденія Болгаріи онъ былъ виднымъ политическимъ дѣятелемъ въ восточной Румелии. Переворотъ въ августѣ 1886 года, эпоха Стамбулова заставила и его, какъ Вазова, покинуть родину и скитаться на чужбинѣ, и его произведенія той поры проникнуты глубокой общественной скорбью и тоской по личному счастью. Такъ возникли „Цареградскіе сонеты“, изданные отдѣльнымъ сборникомъ въ 1899 году, и прозаическія описательныя „Письма изъ Рима“ (1895). Въ настоящее время старымъ другомъ Величкова, Вазовымъ, издается въ нѣсколькихъ томахъ полное собраніе его сочиненій. „Письма отъ Римъ“ служатъ для современныхъ болгарскихъ писателей образцомъ хорошаго прозаическаго стиля, „Сонеты“—изящны по формѣ, даютъ рядъ живописныхъ картинокъ Константинополя, вводятъ въ настроеніе поэта. Величковъ не можетъ быть причисленъ къ выдающимся поэтамъ, какимъ слѣдуетъ признать Вазова и отчасти Михайловскаго, но это, во всякомъ случаѣ, натура искренно поэтическая, мягко, по-славянски настроенная, отзывчивая и привлекательная. Онъ внесъ въ родную болгарскую литературу духъ спокойной художественности и пониманіе красоты. Сатирикъ Михайловскій, эстетъ Величковъ и яркій выразитель народной души Вазовъ составляютъ отличное тріо.

Прелестная сатира на общественную болгарскую жизнь въ первое десятилѣтіе режима Кобурга принадлежитъ рано и трагически погиб-

шему Алеко Константинову (1863—1897). Это—достойное перевода на русский язык юмористическое описание путешествія нѣкого „Бай-Ганю“, ¹⁾ слегка объевропеившагося болгарина, сохранившаго, однако, въ глубинѣ души всю свою первобытность. Бай-Ганю вмѣстѣ съ кучкой своихъ соплеменниковъ отправляется на выставку въ Прагу, предается тамъ среди „братьевъ“-чеховъ славянскимъ чувствамъ, которыя не мѣшаютъ и коммерческимъ расчетамъ, потомъ отправляется въ Дрезденъ, въ Швейцарію, въ Россію. Алека Константинова еще нельзя назвать реалистомъ въ полномъ смыслѣ слова. У него много шаржа, но образъ Бай-Ганю всетаки встаетъ передъ нами такъ живо и реально, что въ развитіи новѣйшей болгарской литературы въ направленіи къ реализму Константинову принадлежитъ почетное мѣсто. Онъ—настоящій выразитель того здороваго духа, который былъ присущъ этой литературѣ, и немножко грубый комизмъ представлялъ небезполезную противоположность рафинированному, слащавому модернизму, которымъ увлекалась болгарская молодежь. Сколько такихъ „Бай-Ганю“ было въ эту пору въ общественной и литературной жизни Болгаріи, и какъ своевременно звучалъ совѣтъ, данный имъ писателемъ: „пожалуйста, Бай-Ганю, приглядывайся поглубже къ европейской жизни!“ Алеко Константиновъ имѣлъ задатки крупнаго писателя, и смерть отъ случайной пули, предназначенной для другого, прервала его развитіе такъ неожиданно!

Упомянувъ о Константиновѣ, необходимо назвать и другого писателя-прозаика, Антона Страшимирова, рассказы и романы котораго стремятся къ реализму. Страшимировъ, какъ и современный молодой писатель Елинъ-Пелинъ (Димитріевъ), представляетъ собою недурнаго рассказчика. Произведенія ихъ, пожалуй, нѣсколько возвышаются надъ общимъ уровнемъ болгарской повѣсти. Но сами по себѣ это величины некрупныя, и едва ли ихъ извѣстность перешагнетъ за предѣлы Болгаріи. Отчасти въ этомъ повинна и та среда, которую они описываютъ: надо обладать талантомъ Толстого, чтобы найти въ жизни деревни „Власть тьмы“. Политическая борьба послѣ отреченія Александра Баттенбергскаго, которая изображена въ романѣ Страшимирова „Смутное время“ (1899), или обычныя сельскія радости и горести, или мелко-буржуазная суетня могли дать романтическіе сюжеты, но оставались интересны только для круга мѣстныхъ читателей. Для насъ, не-болгаръ, это только этнографія или исторія въ романической формѣ. Россіи *эта* литература едва ли можетъ много дать. Исключаю отсюда, какъ я уже

1) Отрывки изъ этого произведенія переведены были на русский языкъ и печатались въ издававшемся въ 1904—1905 гг. въ Одессѣ журналѣ „Южныя Записки“.

упомянулъ, „Бай-Ганю“ Алека Константинова, отрывки изъ котораго стоило бы перевести на русскій языкъ.

Переходя къ болгарской поэзи сегодняшняго или лишь вчерашняго дня, я укажу прежде всего на оцѣнку ея въ современной критикѣ. Здѣсь можно различить два противоположныя настроенія: одно изъ нихъ представлено консервативной печатью, во главѣ съ журналомъ С. С. Бобчева „Болгарской Сбиркой“, другое—ультра-модерное—находитъ себѣ выраженіе въ кружкѣ, группирующемся около критика Крстева-Миролюбова, въ сборникѣ „Мысль“, въ журналѣ „Современная Мысль“ (съ 1 янв. 1910 г.), въ названной выше болгарской антологіи и т. п. ¹⁾ Чтобы представить всю противоположность указанныхъ двухъ направлений, я приведу нѣсколько данныхъ изъ критическихъ отзывы обоихъ лагерей. Сначала обратимся къ консервативнымъ критикамъ—Ник. Атанасову, Хр. Цанкову и Спасу Ганеву. Въ оцѣнкѣ этого послѣдняго „болгарскій модернизмъ“ (Бълг. Сбирка, 1911. № 1)—явленіе, осужденное на гибель, не имѣющее никакихъ корней въ жизни. „Жизнь знаетъ свое, и въ недалекомъ будущемъ будетъ произведенъ расчетъ со всѣмъ фальшивымъ и неестественнымъ, какъ бы модно оно ни было теперь. Болгарская херасковщина не долго удержится на модномъ рынкѣ: моды мѣняются быстро, особенно когда онѣ изобилуютъ всяческими недостатками, а херасковщина нигдѣ не пускала здоровыхъ корней. Мы увѣрены, что еще доживемъ до того, что прочтемъ ей надгробное слово“. Въ другой своей статьѣ (Бълг. Сбирка 1910. № 2) тотъ же критикъ отмѣчаетъ три направленія въ современной болгарской литературѣ: тенденціозность, которая превращаетъ литературу въ арену политической и социальной проповѣди, подражательный модернизмъ Пенчо Славейкова, Пѣю Яворова, Петко Тодорова и Кирилла Христова и стремленіе къ самобытности, характерное для школы Вазова. Всѣ симпатіи критика, разумѣется,—на сторонѣ послѣдняго. Другой писатель, Ник. Атанасовъ (Бълг. Сб., 1910, № 1), горько осуждаетъ безыдейность современной поэзи, крайній эгоцентризмъ ея выразителей. Такихъ писателей не интересуетъ то, что дѣлается вокругъ нихъ, „въ душѣ болгарской интеллигенціи“. Однако и Атанасовъ, какъ Ганевъ, пророчить скорый упадокъ этого „самогипноза“ писателей и уже видитъ симптомы паденія въ появленіи реалистическаго духа среди молодыхъ беллетристовъ, изъ которыхъ онъ выше всего ставитъ Елинь-Пелина. Наконецъ, третій и послѣдній по времени появленія его статьи критикъ Хр. Цанковъ (Бълг. Сб., 1912, № 2) идетъ дальше въ своемъ прогнозѣ предстоящаго

¹⁾ Въ іюньской книжкѣ *Вѣстника Европы* г. Крстевъ напечаталъ характеристику современныхъ болгарскихъ модернистовъ, въ которой впалъ въ несомнѣнные преувѣличенія талантовъ и значенія своихъ литературныхъ приверженцевъ.

упадка модернизма. Онъ отмѣчаетъ поистинѣ убійственное для этого послѣдняго явленіе, именно полное равнодушіе и читающей публики, и критики къ поэзиі. Но вмѣстѣ съ тѣмъ на развитіе этой послѣдней Цанковъ уже не смотритъ пессимистически: молодые поэты во многомъ заблуждаются, но въ ихъ поэзиі уже звучитъ иногда новая струна. Къ болгарской литературѣ уже летитъ издалека жаръ-птица, уже слышенъ шумъ отъ ея крыльевъ, уже горятъ зори, предвѣщающія грядущій лазурный день болгарской литературы. Дѣйствительно, въ Болгаріи въ эти годы бодрого движенія впередъ не было мѣста для пессимизма.

Если мы обратимся къ критикѣ модернистскаго направленія, то здѣсь мы увидимъ настоящее ликоваііе по поводу развитія современной поэзиі. Наилучшій выразитель этого направленія, Крестевъ-Миролюбовъ, сдѣлалъ много для ознакомленія съ представителями этой школы и другихъ славянъ. Рядъ его статей помѣщенъ въ органѣ прогрессивнаго чешскаго славянофильства „Slovansky Přehled“ Чернаго: такъ онъ считаетъ Пенчо Славейкова крупнѣйшимъ поэтомъ своего времени, истиннымъ выразителемъ болгарскаго національнаго характера, Тодорова онъ восхваляетъ за его удивительное проникновеніе въ народную душу и т. д. Тѣ же похвалы повторяетъ за нимъ чешскій писатель Зд. Броманъ (Slov. Přehl., 1912 г., № 7—8). Въ его оцѣнкѣ Пенчо Славейковъ—„самая широкая, всесторонне одаренная поэтическая личность во всей болгарской литературѣ вообще“, Яворовъ „великолѣпный лирический поэтъ“, такой же великолѣпный лирикъ и К. Христовъ и т. д. Далѣе, „великимъ болгарскимъ пѣвцомъ“ называетъ недавно умершаго Славейкова и польскій критикъ Jan Grzegorzewski (Sw. Słowiański, 1912, № 92—93), повторяющій, въ сущности, оцѣнку, которая дана покойному вождю болгарскаго модернизма его приверженцами. Итакъ, Херасковъ—по отзывамъ однихъ, величайшій лирикъ—по мнѣнію другихъ: что же, въ дѣйствительности, представляетъ этотъ поэтъ, и какое значеніе имѣетъ направленіе, яркимъ выразителемъ котораго онъ былъ? Попытаюсь разобратъся въ этомъ, исходя прежде всего изъ „Болгарской антологіи“ Дебелянова и Подверзачева. Здѣсь собраны произведенія 35 новѣйшихъ поэтовъ, но этимъ числомъ далеко не исчерпывается число нынѣ здравствующихъ и печатающихся болгарскихъ поэтовъ. Каждая новая книжка журнала приносить новыя имена. Можно сказать, что болгарское общество прямо охвачено какой-то стихоманіей вопреки увѣреніямъ консервативныхъ критиковъ, что общество равнодушно къ поэзиі; стихи вырастаютъ, какъ грибы послѣ дождя, и если, по отзыву приведенной статьи консервативнаго критика, болгарское общество равнодушно къ поэзиі, то это можно отнести только къ ея „положительнымъ“ людямъ, къ чиновной и торговой средѣ. Молодежь усердно пишетъ и читаетъ стихи. Быть можетъ, въ этомъ особенно ярко обнаруживается юношеская свѣжесть современнаго

болгарскаго общества. Характерно и то, что въ изданіяхъ обоихъ лагерей печатаются поэтическія произведенія того самаго направленія, которыя встрѣчаютъ въ „Болгарской Сбиркѣ“ рѣзкое осужденіе, а въ „Современной Мысли“ похвалу и поощреніе. Это указываетъ на то, что, въ сущности, вся болгарская поэзія переживаетъ одинъ и тотъ же процессъ, и что этотъ послѣдній является такъ же органически необходимымъ, какъ въ извѣстномъ возрастѣ пишетъ стихи чуть не всякій юноша. Онъ пишетъ потому, что инстинктивно „нащупываетъ“ новыя чувства, еще невѣданныя прежде настроенія, самъ „сочиняетъ“ эти чувства и ищетъ имъ соотвѣтствія въ картинахъ природы, заимствуетъ ихъ повсюду: у своихъ учителей и у иностранныхъ поэтовъ. Такъ онъ обогащаетъ свой духъ, расширяетъ свой сердечный опытъ, становится способенъ понимать все и всѣхъ. Вотъ этотъ-то процессъ и переживаетъ молодая болгарская поэзія.

Общепризнаннымъ вождемъ ея является Пенчо Славейковъ, сынъ стараго Петка, человѣкъ, производившій удивительно пріятное впечатлѣніе. Мнѣ пришлось познакомиться съ покойнымъ Пенчо Славейковымъ лѣтомъ 1910 года, въ дни всеславянскаго софійскаго съѣзда, когда его отрицательное отношеніе къ съѣзду и къ манифестаціямъ болгарскаго общества служило источникомъ разнообразныхъ огорченій для устроителей всего этого торжества. И тогда же въ бесѣдахъ съ нимъ я имѣлъ возможность убѣдиться, что Славейковъ благоговѣетъ передъ идеалами свободной русской литературы и хорошо и тонко разбирается въ томъ, куда помѣстить свои славянскія симпатіи. Было глубокой несправедливостью обвинять его и его кружокъ въ отсутствіи патріотизма, какъ это дѣлали въ пылу распри его противники. Какъ поэтъ, Пенчо Славейковъ пользовался среди молодежи и среди прогрессивныхъ круговъ болгарскаго общества несокрушимымъ авторитетомъ и громадной популярностью. На чемъ она основана? Обыкновенно болгарская критика особенно высоко цѣнитъ его эпическія произведенія и прежде всего недавно вышедшую въ двухъ томахъ, уже очень давно задуманную, поэму „Кровавая пѣснь“. Слѣдуетъ, однако, отдать должное и лирическому таланту Славейкова. Онъ умѣлъ иногда находить въ своей душѣ такіе сильные звуки, такія глубокія чувства, которыя придавали лирической паосѣ его поэзіи. Такъ, въ 1894 году, въ разгаръ новаго режима Фердинанда Кобургскаго, молодой поэтъ разразился стихотвореніемъ на тему, гдѣ его родной край? (Мысль, 1894, стр. 620). „Гдѣ мой родной край? Есть ли родной край та земля, гдѣ я увидѣлъ надъ собой въ первой разъ сіяніе зари? Или это—тотъ прекрасный уголокъ, гдѣ звучитъ материнскій языкъ, гдѣ чудесно шумятъ дубы среди широкаго отцовскаго двора? Гдѣ чудесно шумятъ дубы старая пѣснь о старыхъ временахъ и навѣваютъ ими глубокій сонъ на тѣхъ,

что непробудно спать? Тамъ живутъ мои братья, только по имени братья; ужъ не согрѣваетъ ихъ душъ любовь и пламя ненависти! Холодно тамъ... Это племя знаетъ только низкія страсти и низкую злобу, и онѣ низвергнуть его въ могилу... И нѣтъ у меня родного края!“

Чешскій критикъ Броманъ справедливо сравниваетъ Славейкова съ недавно умершимъ чешскимъ поэтомъ Верхлицкимъ, который обогатилъ литературу своего народа множествомъ переводовъ изъ иностранныхъ поэтовъ. Однако до необычайной плодовитости Верхлицкаго Славейкову все-таки далеко. Онъ ввелъ въ кругозоръ болгарской интеллигенціи главнымъ образомъ нѣмецкихъ поэтовъ и мыслителей, изъ которыхъ ему былъ особенно близокъ по духу, по мечтѣ о сверхчеловѣкѣ Ницше. Какъ лирикъ, Славейковъ выступилъ съ превосходнымъ сборникомъ лирическихъ стихотвореній: „На островахъ блаженныхъ. Антологія. Біографіи поэтовъ съ надписями и стихами, переведенными Пенчо Славейковымъ“ (1910). Это—мистификація. Біографіи вымышленныхъ поэтовъ представляютъ характеристики различныхъ сторонъ души самого поэта, произведенія этихъ выдуманныхъ поэтовъ—его собственные стихотворенія. Утонченность настроенія, поэтическая рефлексія, иногда однако переходящая въ извѣстную разсудочность—таковы основныя черты лирики Славейкова.

Смерть застала поэта за окончаніемъ его обширной поэмы „Кровавая пѣснь“, надъ которой онъ работалъ уже въ концѣ девяностыхъ годовъ. Эта поэма должна была сдѣлаться, по замысламъ автора, національной болгарской эпопеей, вродѣ „Пана Тадеуша“ Мицкевича. И, когда она появилась, ее дѣйствительно стали сравнивать съ безсмертной поэмой польскаго генія. Думаю, однако, что только громадная переоцѣнка произведенія Славейкова могла дать почву для подобныхъ сравненій. „Панъ Тадеушъ“ Мицкевича—поэма скорби великаго народа въ траурѣ, оплакивающаго былыя несбыточныя грезы и въ то же время улыбающагося своимъ дѣтскимъ мечтамъ. Это—смѣхъ сквозь слезы. „Кровавая пѣсня“ Славейкова—исторія борьбы за свою свободу молодого удачливаго народа, который развѣ только съ благоговѣйной признательностью можетъ вспомнить о герояхъ, погибшихъ въ тогдашней борьбѣ, и съ гордостью утѣшить себя тѣмъ, что ихъ борьба увѣнчалась, наконецъ, побѣдой. Но балканскіе гайдуки по своему настроенію, культурѣ, быту, по всему складу своей души безконечно далеки отъ своеобразнаго міра литовской шляхты и ея традицій. Это два разные міра, описанные съ двухъ совершенно различныхъ точекъ зрѣнія. Я не говорю уже о талантѣ: Славейковъ—даровитый поэтъ, но онъ вездѣ оставался бы, какъ поэтъ, талантомъ второстепеннымъ; Мицкевичъ—величайшій, одиноко стоящій геній, жрецъ народнаго культа, прирожденный вождь своего народа. Особыя условія болгарской жизни выдвинули

тонко одаренного, хорошо образованного, проникаемого западными влияниями Славейкова на мѣсто, на которое онъ, пожалуй, не могъ бы претендовать по силѣ своего таланта. И это чувствуется особенно ярко именно въ его „Кровавой пѣснѣ“. Осужденія критиковъ, сравнивавшихъ Славейкова, какъ эпика, съ Херасковымъ, не лишены основанія: для обыкновеннаго читателя его поэма безнадежно скучна. Чтобы одолѣть эти два тома описаній героической борьбы болгаръ за свою свободу, надо имѣть или особенное влеченіе къ „ироической пѣснѣ“, или просто огромное терпѣніе. Надо прибавить, что авторъ, въ духѣ ложноклассицизма, не поспешилъ и на миеологическій элементъ: среди дѣйствующихъ лицъ поэмы выступаетъ и самъ старый Балканъ. Славейковъ просто не замѣтилъ, что минуло время длинныхъ поэмъ. Лучшія мѣста въ „Кровавой пѣснѣ“ это опять-таки лирическія. Такъ, напр., прологъ пѣсни, посвященный дѣтскимъ воспоминаніямъ (Славейковъ родился въ 1862 г.), написанъ съ такой искренней тоской по невозвратнымъ годамъ дѣтства, что производитъ довольно сильное впечатлѣніе. Можно думать, что вождь болгарскаго модернизма приобрѣтетъ себѣ на Парнасъ болѣе прочное мѣсто лирикой, а не эпикой.

Ближе всего къ Пенчо Славейкову по характеру своей тревожной, ищущей поэзіи стоитъ Петко Тодоровъ, родившійся въ 1879 г. и получившій образованіе на югѣ Франціи, въ Тулузѣ. Тодоровъ такимъ образомъ еще въ бѣльшей мѣрѣ, чѣмъ Пенчо Славейковъ, кажется, никогда не бывавшій въ Россіи, является „западникомъ“. Но съ этимъ западнымъ духомъ Тодоровъ сочеталъ проникновеніе въ національную жизнь. Область, гдѣ онъ родился и провелъ дѣтство, принадлежитъ къ числу балканскихъ уголковъ, особенно крѣпко хранящихъ народный бытъ. Какъ и Славейковъ, Тодоровъ — представитель оппозиціонной интеллигенціи, чуждой славянофильскимъ стремленіямъ и, напротивъ, смотрящей въ сторону радикализма и социализма. Онъ началъ писать стихи, какъ это бываетъ обыкновенно, рано и уже съ 1898 г. печаталъ ихъ въ органѣ болгарскаго модернизма „Мысль“, издававшемся Пенчо Славейковымъ и Крстевымъ-Миролюбовымъ. По словамъ этого послѣдняго (Slov. Přešled, 1909, стр. 384), уже въ 1902 году Тодоровъ близко примкнулъ къ кружку, издающему „Мысль“. Такимъ образомъ, совсѣмъ молодымъ человѣкомъ онъ уже стоялъ во главѣ движенія, имѣвшаго для Болгаріи отнюдь не только литературное, но и серьезное общественное значеніе. Особенной славой пользуются „Идилліи“ Петко Тодорова, вышедшія отдѣльной книгой въ 1908 году, а среди нихъ „Свадьба солнца“, представляющаяся, по утвержденію Славейкова, наивысшей философской концепціей въ болгарской литературѣ. Содержаніе этой символической поэмы заключается въ слѣдующемъ. Геній Солнце, томясь своимъ вѣчнымъ одиночествомъ, хочетъ найти утѣху

въ земной любви. Но гений вѣчно творить, и солнце, герой поэмы, не находитъ радостей въ земной юдоли: въ жертву вышнимъ художественнымъ требованіямъ онъ приносить чувства человѣческаго сердца. Такимъ образомъ, въ поэзіи Тодорова очень ярко обнаруживается та эволюція, которую пережила болгарская поэзія: отъ личнаго, національнаго, конкретнаго она постепенно перешла къ высшему, общечеловѣческому. Въ основѣ какъ этой идилліи, такъ и другихъ произведеній Тодорова лежитъ то или другое представленіе народной лирики или эпикѣ, но повсюду эти представленія возведены въ общее, приобрѣтаютъ общечеловѣческое значеніе. Такой же характеръ носятъ и драмы этого поэта. Символика, игра настроеній, едва намѣченныхъ, летучихъ чувствъ, идеалы крайняго индивидуализма,—все это придаетъ, дѣйствительно, поэзіи Тодорова характеръ „послѣдняго крика“ европейской неоромантики. Но для Болгаріи это, конечно, совершенно заносный товаръ, растеньице, которое вывезено изъ дальнихъ оранжерей и пересажено на еще дикую почву, подъ суровое небо. Ставить крестъ надъ поэзіей Петко Тодорова и предсказывать ей неизбѣжный конецъ, какъ это дѣлаетъ консервативная критика, можетъ быть, еще рано. Во всякомъ случаѣ, нуженъ громадный талантъ, чтобы въ этой области, народу чуждой, создать что-нибудь дѣйствительно народное, а не просто кружковое, что встрѣчаетъ поклоненіе въ кружкѣ, но въ общемъ ходѣ литературнаго развитія народа остается почти безъ всякаго вліянія. Пока такого таланта Тодоровъ не обнаружилъ.

Нѣсколько старше Тодорова поэтъ, который раздѣляетъ его популярность, Пѣю Яворовъ (род. въ 1877 году). Яворовъ—прекрасный лирикъ, свободный отъ декадентскихъ замашекъ Тодорова, отъ „херасковщины“ Пенча Славейкова. Онъ выражается просто и свободно, и основной тонъ его лирики—меланхолія, иногда, можетъ быть, немного напускная, но вѣдь болгарская поэзія еще такъ молода, а молодости такъ свойственно кутаться въ плащъ безнадежности и байронизма. И Яворовъ въ этомъ отношеніи типичный романтикъ. Онъ говоритъ о „странныхъ и зловѣщихъ улыбкахъ“, о безумной любви и безумной ненависти, о раненой груди, о глубокихъ морщинахъ, бороздящихъ мрачное чело, и о презрѣніи къ шумной толпѣ. Все это такія знакомыя намъ по исторіи литературы настроенія, и... такія запоздалыя. Этотъ байронизмъ въ началѣ 20-го вѣка милъ и симпатиченъ, какъ переживание старины, какъ, повидимому, необходимая ступень въ поэзіи каждаго народа. Но эти „безсонныя ночи“, эти „тѣни облаковъ“, какъ называются сборники лирическихъ произведеній Яворова, въ сущности, такъ же отстали отъ вѣка, какъ и выраженіе мрачнаго сарказма на лицѣ автора. Чтобы не быть голословнымъ, приведу такое типичное стихотвореніе Яворова: „Чудакъ“. Вотъ оно: „Я видѣлъ его на морскомъ берегу; онъ раз-

сѣянно глядѣлъ въ даль; я встрѣчалъ его въ полѣ, когда онъ брелъ задумчивый, съ опущенной головой. И Богъ знаетъ, гдѣ блуждая мыслями, онъ шелъ съ помутившимся взоромъ, со странной и зловѣщей улыбкой, избѣгая всякой встрѣчи съ людьми. Но свѣтъ не любитъ идущихъ безъ цѣли, и всякій ненавидитъ его, какъ должно, и всякій остерегается его, но никто не назоветъ его глупымъ. На его мрачномъ челѣ глубокія морщины, явные слѣды тяжкихъ испытаній. Вѣчно одинокій въ шумной толпѣ, несчастный, что влечитъ онъ къ могилѣ: какую-нибудь безумную любовь или какую-нибудь безумную злобу? Подобныхъ стихотвореній у Яворова много. „Не старайся узнать, откуда меня, несчастливаго, влекутъ несчастья подъ зноемъ солнца. Не старайся узнать, куда ведетъ меня, пустытника, мой пустынный путь въ покоѣ мрака!“ Или, такъ характерно для байрониста, вѣчно мечтающаго о славѣ и дѣлающаго видъ, что онъ презираетъ ее, Яворовъ разражается презрѣніемъ по поводу „славы поэты“, въ которой онъ слышитъ лишь обиду и жестокую насмѣшку. Такимъ образомъ, ницшеанецъ Пенчо Славейковъ, символистъ Петко Тодоровъ, байронистъ Пѣю Яворовъ... Какое богатство направленій, вкусовъ, школъ. По все это—искусственные цвѣты, не живое созданіе народной жизни, еще очень первобытной.

Остается еще коснуться одного поэта, которому, повидимому, достанется слава преемника Вазова. Это лауреатъ „Болгарскаго книжного дружелюбія въ Софіи“, Кириллъ Христовъ, чьи стихотворенія были изданы въ 1903 году съ предисловіемъ Вазова, назвавшаго Христова „гордостью балканской поэзіи“. И въ мѣсяцы войны съ турками К. Христовъ пошелъ по слѣдамъ стараго Вазова, выступивъ съ патріотическимъ сборникомъ стиховъ: „На Царьградъ“. К. Христовъ родился въ 1875 г., его первыя печатныя произведенія, вошедшія въ сборникъ „избранныхъ стихотвореній“, относятся къ 1894 г. Вазовъ восхищается тѣмъ, что Христовъ „стоитъ такъ далеко отъ толпы другихъ молодыхъ болгарскихъ поэтовъ, посредственныхъ или искусственныхъ; какая разница между этимъ истиннымъ поэтомъ и поэтами того типа, къ которому принадлежитъ, напр., вообще трудолюбивый Пенчо Славейковъ“. Уже изъ этихъ строкъ видно, что Христовъ принадлежитъ къ другому литературному *кружку*, чѣмъ Славейковъ или Тодоровъ. Ему старый поэтъ шлетъ свое благословеніе; для тѣхъ поэтовъ онъ не находитъ у себя ничего, кромѣ осужденія. Ихъ „вымученныя пѣсни, не согрѣтыя божественнымъ пламенемъ, отталкиваютъ читателя, даже вооруженнаго наилучшими желаніями!“ Одного только желаетъ старый поэтъ своему молодому товарищу: чтобы его пессимизмъ смѣнился жизнерадостностью.

Заслуживаетъ ли Христовъ такого восторженнаго отзыва, является

ли онъ, дѣйствительно, восходящей звѣздой болгарской поэзіи? На это до извѣстной степени уже дало отвѣтъ десятилѣтіе, истекшее послѣ изданія его „Избранныхъ стихотвореній“. Христову уже подъ сорокъ лѣтъ,—возрастъ, когда поэтический талантъ достигаетъ своего апогея, когда—болѣе того—уже начинается уклонъ отъ поэзіи къ прозѣ. Въ этомъ возрастѣ и Щедринъ, и Толстой удивлялись, что и они когда-то писали стихи. Между тѣмъ Христовъ остался все на томъ же уровнѣ развитія. Онъ не нашелъ ни новыхъ формъ для своего творчества, какія, напр., находили постоянно Пушкинъ или Мицкевичъ, или Словацкій. Напротивъ, поэзія Христова производитъ впечатлѣніе удивительной монотонности; именно не чувствуется въ ней ни той искренности, о которой говорилъ Вазовъ, ни индивидуальности. Нѣкоторое интересничаніе байронизмомъ имѣется и у него. Въ своемъ юмористическомъ „Паспортѣ“ онъ отмѣчаетъ, что глаза у него зеленые, какъ у вѣдьмы, и холодные, какъ *сталь*. Все это приходится сказать, потому что Кириллъ Христовъ, несомнѣнно, былъ переоцѣненъ. Это не мѣшаетъ ему, однако, быть дѣйствительно недюжиннымъ поэтомъ: въ области лирики онъ даетъ граціозные блики мгновенныхъ чувствъ и болѣе глубокихъ настроеній; въ стихахъ его разбросаны картины природы, навѣвающія думы и чувства; форма изящна.

Если мы обратимся отъ этихъ корифеевъ литературы къ той массѣ пишущихъ стихи, которые наполняютъ болгарскіе сборники и антологіи, то мы увидимъ здѣсь тѣ же явленія, но только, конечно, въ менѣе художественной формѣ. Болгарская поэзія насыщена настроеніями, наводнена лирикой. Увы! все это очень однообразно, не индивидуально, стоитъ въ сторонѣ отъ дѣйствительной жизни и борьбы, и жизнь какъ будто не знаетъ этой безыдейной литературы и идетъ мимо нея. „Давно уже исчезъ ночной мракъ, и утро вдохновеннымъ голосомъ запѣло дѣвственные гимны, но попрежнему темно и глухо передо мной. Въ дубровѣ цвѣтеть веселая весна, тамъ тихо шумятъ ручьи; ихъ шумъ трепещетъ около моихъ устъ, но жажда и зной томятъ меня“ (Ганевъ). „Задумчиво идетъ осенняя ночь; что-то шепчутъ золотые листья; гдѣ-то близко падаютъ и трепещутъ меланхолическіе звуки рояля. Нѣжные воспоминанія волнуютъ усталую грудь, откуда-то доносится замирающій звонъ... И жизнь медленно катится, какъ безначальный и безконечный сонъ“ (Карановскій). „Я жду: волны нѣжно цѣлуютъ морскія скалы; тамъ вдали просторъ и воля, далеко назади разсѣявшійся туманъ. Я жду: торжественный гимнъ звучитъ въ моемъ сердцѣ, какъ въ свѣтломъ храмѣ. Куда отнесетъ меня море, не знаю... и не хочу знать“ (Раки-тинъ). Таковы типичныя произведенія современной болгарской музыки. Похожія другъ на друга, какъ капли воды, эти созданія цѣлой плеяды поэтовъ совершаютъ однако свое крупное общественное дѣло. Эти поэты—

своего рода войско, которое сомкнутыми рядами идетъ на завоеваніе своей родины культурнаго мѣста въ Европѣ.

Можетъ быть, взятые сами по себѣ, эти болгарскіе поэты не представляютъ крупнаго явленія. Славейковъ, и Тодоровъ, и Яворовъ, и Христовъ—все это величины далеко не первостепенныя, но ихъ значеніе для развитія Болгаріи очень велико. Они создаютъ атмосферу повышенной жизни чувства и мысли, распространяютъ въ обществѣ (среди молодежи особенно) интеллигентныя стремленія и художественныя интересы и вводятъ свою молодую страну въ кругъ европейскихъ культурныхъ государствъ. Въ этомъ смыслѣ перечисленные мною поэты составляютъ одно органическое цѣлое съ первымъ поколѣніемъ борцовъ за свободу Болгаріи, и Пенчо Славейковъ является прямымъ продолжателемъ дѣла своего отца, Петка Славейкова, когда-то боровшагося въ Константинополѣ за освобожденіе болгарской церкви. Всякій болгаринъ есть прежде всего болгаринъ, и облечется ли онъ въ одежду „лондонскаго дэнди“, или французскаго поэта изъ кабачковъ Латинскаго квартала, изъ-подъ маски выдаются типичныя черты болгарскаго лица, умнаго и проницательнаго болгарина, „японца Ближняго Востока“, который готовъ перенять отъ стараго Запада не только пушки и фабричную промышленность, но и новѣйшія поэтическія вѣянія, но все это для одной цѣли: во славу Болгаріи. И вотъ теперь, когда разбитая, разоренная и униженная Болгарія переживаетъ черные дни, хочется сказать нѣсколько словъ утѣшенія. Народъ, который сумѣлъ сдѣлать такъ много для своего развитія въ теченіе тридцати лѣтъ, не погибнетъ. Быть можетъ, онъ слишкомъ снѣшилъ въ своемъ стремленіи „стать съ вѣкомъ наравнѣ“, переоцѣнилъ свои силы и надорвался; быть можетъ, онъ далъ себя увлечь злымъ чувствамъ и подчинился авантюристамъ, и забылъ о своемъ братствѣ съ сербами. Но пусть онъ пойметъ „урокъ исторіи“ и съ обычной своей энергіей примется за постройку отъ основанія новаго зданія своей государственности, въ большемъ соотвѣтствіи съ народными силами и требованіями, съ меньшей погоней за модой... А силъ въ душѣ болгарина много.

А. Погодинъ.

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ

КНИГА IX

МОСКВА И ПЕТЕРБУРГЪ

1913

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
I. ПРОТЕСИЛАЙ УМЕРШИЙ. Трагедія въ пяти сценахъ, съ хоромъ.— Валерія Брюсова	1
II. ГУГО. Романъ Макса Брода. <i>Max Brod. Die Jüdinnen.</i> —Перев. М. И. Розенфельдъ. <i>Окончаніе</i>	32
III. БУРБОНЪ. Военный разсказъ.—Бориса Садовекого	81
IV. ДВА СТИХОТВОРЕНІЯ.—Федора Сологуба	107
V. ОРКЕСТРЪ СЛѢПЫХЪ. Разсказъ.—М. Моравской	109
VI. ДВА СТИХОТВОРЕНІЯ.—Т. Ефименко	123
VII. ВЪ КАЗАРМѢ И ОКОЛО КАЗАРМЫ. (Силуэты и штрихи.) Главы I—XV.—Д. Л. Д—ова	125
VIII. СТИХОТВОРЕНІЕ.—Н. Бернера	156
IX. ИСТИНА. Разсказъ Луджи Пиранделли. Съ итальянск.—Перев. Ольги Кобылянской	157
X. БѢЛЫЙ СЛОНЪ. Разсказъ.—Ольги Форшъ	165
XI. МИРА. Идея рока въ древней и новой трагедіи.—Ф. Ф. Зѣлинскаго	1
XII. Г. И. УСПЕНСКІЙ ВЪ 70-е и 80-е гг. Біографическія замѣтки.— Ч. Вѣтринскаго. <i>Окончаніе</i>	23
XIII. СОВРЕМЕННАЯ БОЛГАРСКАЯ ПОЭЗИЯ.—А. Л. Погодина	55
XIV. ЭДУАРДЪ КАРПЕНТЕРЪ. Письмо изъ Англіи.—С. И. Рапопорта	73
XV. СОННАЯ ОДУРЬ.—Владимира Шмидта	100
XVI. ВОЗРАСТЪ ЗЕМЛИ.—Ю. Делевскаго	115
XVII. ПАМЯТИ ЗИНАИДЫ СЕРГѢЕВНЫ МИРОВИЧЪ.—А. А. Кизеветтера	140
XVIII. ВЪ РОССИИ И ЗА ГРАНИЦЕЙ. Овзоры и замѣтки. I. Политика, общественная жизнь и хозяйство. 1. Послѣ войны. С. А. Кот- ляревскаго. — 2. Австрійскія дѣла. И. О. Левина. — 3. Страхование служащихъ въ Германіи. А. Леща. II. Литература и искусство. 1. Письма любви. П. С. — 2. Восточные мотивы г-жи Шагиняня. В. Шмидта. — 3. Развитие литературы на нѣмецко-еврейскомъ языкѣ. І. И. Геллера. — 4. Новыя исканія научной поэзіи. Ренэ Гиля. III. Религія и церковь. 1. Авонское дѣло. С. Н. Булгакова. — 2. О земномъ и небесномъ утопизмѣ. Н. А. Бердяева. IV. Школа и воспитаніе. Сельская школа въ Германіи. А. М. Обухова. V. Не- крологъ	1
XIX. КРИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ. Критико-библіографическій отдѣлъ. Книги: I. Литература, исторія литературы и литературная критика.— Языковѣдѣ.—Философія и религія.—Исторія.—Публицистика.—Поли- тическая экономія, статистика и финансы.—Естествознаніе и матема- тика.—Географія. II. Книжныя новости. III. Списокъ книгъ, поступив- шихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль“ съ 1 по 15 сентября 1913 г.	329
XX. ОБЪЯВЛЕНІЯ	1